

Назарова Ольга

Дорога к себе

Абсолютно неправильные
люди. Книга восьмая

Ольга Назарова

Дорога к себе

«Автор»

2025

Назарова О.

Дорога к себе / О. Назарова — «Автор», 2025

«Трудно быть старшим сыном – появляются братья, которых ты не хотел, портят тебе жизнь, и даже когда ты вырастаешь, никакого покоя от них нет!» Как-то так и размышлял Николай Миронов, возмущенный поступками отца, а они становились всё более странными – ему зачем-то подарили старый деревенский дом, принадлежащий ещё каким-то предкам. А тут ещё неприятности с бизнесом. Вот и пришлось Николаю волей-неволей ехать туда, где никто бы его не нашел – в эту самую деревню! И тут всё возмутительно – какие-то жуткие дороги с лужами, в которых можно утопить Титаник, болтливые и приставучие соседи, местный рынок, явно охваченный массовым сумасшествием, дальние родственники, которые ему сто лет не нужны! И, среди всего этого – он сам. Что ему тут делать? Может быть, разыскать что-то важное? То, что он почему-то не нашёл раньше – самого себя, свою настоящую дорогу, на которой и старый дом обретает совсем иное значение, и спасённый пёс становится своим, и ненавистный средний брат оказывается родным.

© Назарова О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. На том же месте в тот же час	5
Глава 2. Не жидкостью, так паром	7
Глава 4. Дом под дождём	17
Глава 5. Что чем пахнет	23
Глава 6. Неблудный сын	27
Глава 8. Руконожный привод	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Назарова

Дорога к себе

Глава 1. На том же месте в тот же час

Кирилл Харитонович Хантеров хмуро шурился на расчёты.

Это для кого-то сухие столбцы цифр, непонятные вычисления и выдержки из отчётов, вызывающие у нормального человека спазматическое зевание и нервный тик. Для Хантерова это всё напоминало маршруты, по которым к ним подкрадываются проблемы.

– Да, Марина, спасибо, я понял. Вы правы... очень похоже на то, – отозвался он на пояснения своего аудитора, а по совместительству финансового детектива. – Благодарю вас! Полагаю, что вы обнаружили его очень и очень вовремя! Да, хороших вам праздников.

Он хмуро воззрился на погасший экран смартфона:

– Как ей в голову-то пришло обратить на него внимание? Вот не ошибся я в ней! Недаром её предыдущие работодатели стонут и регулярно её уговаривают вернуться.

Нет-нет, он вовсе не прослушивал телефон аудитора – зачем? Ему докладывал некий сотрудник непосредственно из бывшей Мариной компании.

– Кадры... когда же некоторые пустоголовые люди научатся их ценить? – хмыкнул Хантеров, припоминая, как наблюдал за Мариной, как пригласил её в прошлом году на расследование хищений, как, убедившись в том, что она более чем подходит для его целей, терпеливо выжидал, когда же её работодатели совершат роковую ошибку и перегнут палку, нагружая свою главную "боевую" единицу всё новой и новой работой. Теперь он вполне законно радовался результатам своих действий:

– Ну, вот и плавайте там, куда сами себя столкнули! – пожелал он неразумным людям, упустившим такую ценность.

Когда-то и самого Хака так же загоняли, сейчас даже вспомнить смешно... Но это пошло ему на пользу – он ещё больше ценил Миронова, рассмотревшего его потенциал.

– Давно это было... Ну, да ладно. Пора бы и осведомиться, а не попутал ли берега наш уважаемый Николай Петрович? И с какого это перепуга он творит такие удивительные вещи?

Удивительные вещи, судя по отчёту Марины, начались примерно через месяц после разоблачения Андрея – среднего брата Николая.

– Коленька всегда тяготел к красивой жизни. К роскошной прямо-таки... Ну, ладно, могу понять, представительские расходы и всё прочее... Но вот это уже перебор! А потом тебе же, чудак-человек, деньги выделили подо что? Под химическую лабораторию! Младший брат всю новые линейки кормов для животных запускает, а старший заказал химику несколько исследований и завял... А деньги куда делись? А? Ты же землю копытом рыл, что без лаборатории прямо помираешь!

Хантеров пощёлкал мышкой по столбцам Мариных расчётов, – Вот и деньги. Ну, милый друг... топорно как работаем! А дальше куда ты их повёл? Прекрасно, но так предсказуемо – на собственные счета! Интересно, неужели его опыт Андрея не насторожил? Коля же громче всех вопил и возмущался нечестностью среднего брата... Хотя, если припомнить, у них всегда были отношения довольно сложные. Среднего выделяла мать, из всех сил везде его пропихивая как музыкального гения, а Колечке это было как нож в сердце – он же первенец, а оказывается на втором месте!

Хак хмуро откинулся в кресле гостиничного номера. Его лично Марино открытие ничуть не расстроило – он вообще мало в ком был уверен, поэтому и разочаровывался редко.

– А вот Пётр огорчится! Он только-только решил, что в семье всё наладилось – самое слабое звено оказалось очень даже сильным, а тут нате вам!

Хантеров собрался проверить ситуацию на месте и отправился провести ту самую лабораторию...

Грядущие майские праздники предполагали, что последний день апреля принесёт с собой сокращение рабочего времени, так что у многих работа уже закончилась.

Правда, химик Ирина Вяземская была на рабочем месте. Хантерова она знала – видела со своими работодателями, поэтому без вопросов предоставила всю интересующую его информацию.

– Да, большей частью занимаюсь исследованием по кормам и средствам по уходу за животными. Эээ... Николай Петрович? Почему редко вижу? Почти каждый день, – Ирина как-то не выглядела довольной, это рассказывая. – Да так... заезжает постоянно.

Хантеров с интересом воспринял эту новую информацию. На его взгляд было всё абсолютно очевидно – Ирина отчего-то не благоволит к старшему сыну, а он, со свойственным ему упорством, старается изменить эту ситуацию, мешая химику работать.

– Никогда не умел вовремя останавливаться! – подумал Хантеров.

– Сегодня вот ещё не было! – с затаённой надеждой произнесла Ирина.

– Хорошо бы и не приехал! – подумала она.

– Надо же так девушку-то достать! – оценил Хантеров «достижения» старшего сына Миронова.

Он не стал занимать время у Ирины, которая торопилась доделать какое-то исследование, чтобы потом отправиться в загородный дом к семейству Вяземских, корректно распрощался и очень вовремя удалился.

Вовремя, потому что, уже устроившись в машине, самолично узрел Николая, спешащего к лаборатории с букетом роз.

– А вот и он... Ирине не повезло, – констатировал Хак. – Неужели же он деньги тянет, стараясь произвести впечатление на девушку? Нет, не похоже. Она – из семьи потомственных химиков, достаточно скромная и весьма здравомыслящая. Её на цацки не купить и отдыхом в Эмиратах не привлечь. Да и суммы не те. Что же ты задумал-то? А?

Ирина раздражённо подняла голову, заслышав знакомый голос.

– Опять его принесло! Как же достал! – прошипела она про себя.

Нет-нет... Николай вовсе не был навязчивым типом из тех, кто распускает руки, виснет на ушах, бесконечно рассказывая что-то мифо-героическое о себе любимом, или двадцатый раз пытается пригласить к себе домой «на рюмочку кофе». Он приезжал, церемонно вручал цветы, по-хозяйски устраивался в кресле и наблюдал за Ириной. Просто смотрел. Потом, когда она заканчивала работу, он приглашал её в ресторан, не особо возмущаясь неизменным отказом, и уходил, чтобы вскоре вернуться вновь.

Если они встречались с младшим братом, то Евгений раздражённо выяснял, что именно тут опять забыл Николай, пытался выставить его, чтобы он не отвлекал химика, но получалось неважно... Николай был непоколебим как скала, неизменно придерживаясь своего распорядка.

Вот и сейчас он вручил Ирине букет, чуть задержав её пальцы в своих, отчего та едва сдержалась, чтобы не вымыть руки, и уселся в своё любимое кресло для посетителей.

– Ирочка, может быть, ты поужинаешь со мной сегодня? – тот же вопрос, та же интонация...

– Нет, Николай, извините, я не могу, – бесстрастно отозвалась Ирина, от души поблагодарив семейную выучку.

Другая бы давно швырнула в этого навязчивого барана мензурку с чем-нибудь сложно-смываемым, а она держится!

Глава 2. Не жидкостью, так паром

Пётр Иванович Миронов отлично знал, что Кирилл Харитонович, его друг и начальник службы безопасности, попусту никогда ничего не говорит. Поэтому слова Хака о том, что надо что-то проверить, его насторожили.

– Кирилл не сказал бы это, если бы была какая-то мелочь или вопрос, который он может решить без моего ведома, – раздумывал он, сидя за ужином в доме Брылёвых.

На ужин пришли его сын и невестка, теперь уже настоящая невестка, и принесли пирог. Точнее, сын нёс, а Милана контролировала кота Чегевару, возлежащего у неё на плечах.

– Лучший способ что-то уронить, это идти куда-то с котом и с едой в руках, – пояснила она. – Че вплетается в ноги так, что костей можно не собрать, я уж про пирог не говорю!

Чёрный кот насмешливо прищурил глаза, с комфортом устроившись на плечах Миланы.

– Смешная какая... мне просто не хотелось идти самому, а у моего котолюда лапы заняты. А раз так, надо было устроить, чтобы она сама меня понесла. Делов-то...

Миланин пудель Несси с завистью поглядывала на кота, но его уровня манипулирования людьми она ещё не достигла, поэтому пришлось бежать как обычно – лапками.

Ужин был прекрасен, пирог выше всяких похвал. Миронов-старший поглядывал на среднего сына и радовался:

– Однозначно влюблены! А ведь у Андрюшки непростой характер, да и девочка отнюдь не размазня! То есть они ещё и приноровились друг к другу, и это случилось не через постель, а раньше, что гораздо ценнее. Тут уже не просто влюблённость!

Новые родственники Брылёвы Миронову тоже откровенно понравились.

– Хорошая семья. Это трудно, на самом-то деле, прожить двадцать пять лет вместе и не потерять друг друга. Сыну повезло. Есть шанс, что Милана будет стараться сохранить то, что между ними возникло, так же, как и её мать.

Приятные размышления и наблюдения перемежались настойчивой, как зудящий ночной комар, мыслью о Хаке:

– Да что же он такого там нарыл?

После ужина, когда Миронов уже отправился в свою комнату, Хантеров ему позвонил.

– Занят? – перед посторонними людьми Хак никогда не «тыкал» Миронову, но в более неформальной обстановке, оба обращались друг к другу именно как друзья.

– Нет, слушаю тебя. Что случилось?

– Не очень приятная ситуация с выводом денег Николаем.

– Моим?

– Да... – слово упало как камень в тёмную и холодную осеннюю воду.

Хак никогда не говорил что-то просто так. Тем более, если это касалось чего-то важного. Поэтому, можно было быть уверенным, что Колька точно натворил дел...

– Понятно. Кирилл, что-то фатальное?

– Нет, суммы довольно приличные, но не убийственные. То есть фирму он не топит, просто...

– Тянет, – подсказал Миронов, испытывая внезапное желание взять и швырнуть в дальний угол вазу с нарциссами, украшавшими его комнату.

– Да.

– Мотивы? Долг? Женщина? Что-то жаждет?

– Насколько я понял, он никому не должен. Женщина? Вряд ли. Он ухаживает за Ириной Вяземской и, насколько я могу судить, близок к откровенному посылу на все четыре стороны. Жаждет... да, возможно.

– Хак, не тяни кота за хвост!

Проходящий мимо комнаты гостя Чегевара возмущённо оглянулся на дверь и заторопился прочь. Хвост для кота – это святое!

– Это началось через месяц после того, как мы отстранили Андрея от дел...

– Через месяц? – насторожился Миронов.

– Мне кажется, что это связано именно с ним.

Пётр Иванович тяжело вздохнул. Он отлично понял, что именно хочет сказать Хантеров.

– Когда у тебя будут более точные данные? – уточнил он

– Скоро. И да... в свете новостей... Ты ещё планируешь покупать землю у Морквина?

– А! Ты понял, что я бы хотел купить тот участок для Николая? – Миронов тяжело замолчал. – Да, землю будем покупать – очень уж удачное место, а с Колей... ну, посмотрим, что и как.

Майские праздники – дело приятное, но не тогда, когда голова забита воспоминаниями и раздумьями, а всё ли ты сделал верно, а если нет, то где ошибся? И можно ли это как-то исправить?

– Да, Коля был бы счастлив, если бы у нас больше не было детей... – ворочаясь без сна, рассуждал Миронов. – Его всегда раздражал Андрей. Особенно, когда у него обнаружился музыкальный талант. Да, нужно было, наверное, притормозить жену, но Андрюхе и самому тогда хотелось играть.

Дрёма брала своё и наплывала сонными картинками – вот розовощёкий крепенький Коля, стоит у кровати младшего брата и хмуро туда заглядывает:

– Зачем вы его принесли? У вас же уже есть я!

Вот они, уже чуть подросшие, играют, но стоит только Андрею сделать хоть что-то лучше, чем это получается у старшего брата, как тот тут же уничтожает его результаты.

– Коля, так нельзя! – Миронов, несмотря на то что упухивался тогда до полусмерти, это уловил, и даже понял, что это – зависть! – Сын – ты же старший брат! Ты должен младшему помогать, а не отталкивать его назад.

Упрямый взгляд исподлобья, поджатые губы. Да, его первенец уже тогда отличался редкой упёртостью.

Жена, которая тогда не работала, а занималась детьми, долго утверждала, что это просто детская ревность и она скоро пройдёт. Правда, и она, наконец-то поняла...

– Да, ты прав... он отчаянно завидует, если Андрей что-то делает лучше.

Потом родился Женька и они пригласили няню... Повезло не сразу, но, когда нашлась Зинаида, отношения между братьями немного потеплели – у Зины была редкая способность как-то смягчать окружающих.

Правда, когда он похвалил её за это, она невесело покачала головой:

– Не перехвалите, Пётр Иванович. Я пытаюсь Коле объяснить, но он по определённым вопросам слышит только и исключительно себя.

Они с женой и у детского психолога проконсультировались, найдя самого лучшего путём нескольких проб и ошибок.

– Понимаете... не всё в характере ребёнка можно скорректировать, тем более что Николай – сильная личность, да-да, уже в таком возрасте ребёнок личность. Он не желает идти на контакт и обсуждать какие-то вещи. При этом про всё остальное разговаривает охотно...

– А разве нельзя его как-то разговорить? – начала жена.

– Человек – не консервная банка. Захочет – может запрятать свои истинные побуждения на самое дно и насильно его не вскрыть... – мягко улыбнулся психолог. – А он именно так и захотел.

Жена, помнится, долго ворчала о том, что суперспециалист оказался таким слабаком, который даже не может разговорить мальчика, но Миронов понимал психолога – стоило только посмотреть на то, как Коля умел брать себя в руки.

Андрей в эмоциональном плане был совсем другим – мог швырнуть игрушку на пол, раскричаться, затопать ногами, а Николай, только что пылавший гневом, рррраз и успокаивался, на глазах превращаясь в идеального ребёнка.

– Специально доводил и выставлял брата в негативном свете, представляя себя верхом совершенства, – сообразил Миронов.

С Женькой почему-то не возникало таких проблем и соперничества. Возможно, потому, что младшенький отличался лёгким характером и отсутствием особых талантов, во всём подражая старшему брату.

На какое-то время разногласия между братьями поутихли, но вспыхнули с новой силой, когда выяснилось, что Андрей не просто одарён в музыкальной сфере... Нет, не просто одарён, а реально талантлив!

– Колька тогда даже плакал... Да, не демонстрировал, но я-то видел.

Нет-нет, Миронов не мог бы упрекнуть себя за то, что не занимался детьми, не обращал на них внимания... Это именно он оставался со старшим и младшим сыновьями, когда жена таскала по всяким конкурсам, концертам и поездкам среднего.

– Сколько я пытался с ним поговорить... объяснить, что это не заслуга Андрея, а просто его дар. Ну такой вот достался! И у самого Кольки дар есть, какой-то же есть, надо просто понять, какой!

Правда, все эти разговоры напоминали попытку достучаться к кому-то, закрывшемуся от тебя абсолютно глухой стеной. Как только Коля понял, что у него не только таланта к музыке нет, но и просто музыкальный слух отсутствует, он напрочь отказался верить, что у него тоже есть что-то своё, особенное...

Когда стало понятно, что у Андрея серьёзные проблемы с выступлениями, была драка...

Миронов был в поездке, ему позвонила жена и со слезами рассказывала, что едва-едва сумела остановить сыновей.

– Хорошо ещё Зина была и охрана...

– А причина? – Миронов понимал, что у мальчишек это бывает.

Повздорили, поругались, помахали кулаками, помирились... Только судя по докладу охраны, всё было несколько серьёзнее, чем обычная ссора из-за пустяка.

– Я так поняла, что Коля и Женя начали высмеивать Андрюшу. Ну что ему трудно выступать. Начали рассказывать, что в зале зрители от его игры превращаются в жутких тварей...

Приехав, Пётр Иванович попытался поговорить с младшим и старшим сыновьями, и если с Женькой проблем не возникло – он быстро согласился с тем, что издеваться над чужим страхом подло, то Николай привычно заперся в себе и только хмыкал, явно ни капли не чувствуя себя виноватым.

– Странно ощущать себя настолько беспомощным! – злился Миронов, отправив сыновей к лучшим психоаналитикам. Андрея – в надежде, что он сможет избавиться от фобии, Женьку – для профилактики, а Николая – в попытке докопаться до проблемы и исправить её.

– Да... надо признать, что если бы поход по психологам и психоаналитикам помогал бы всем, то было бы несоизмеримо проще жить! – обречённо раздумывал Миронов. – А главное-то что? Коля вообще не считает себя неправым, вот и не собирается что-то обсуждать, и, тем более менять.

Майские праздники во владениях Вяземских проходили неожиданно шумно.

Ирина приехала уставшая, словно выпитая до дна кучей работы и напряжением, связанным с постоянным и навязчивым присутствием Николая.

– Мам... хочется треснуть его штативом и прикопать в реактивах! – вздохнула она, добравшись до Марины Леонидовны. – Жаль, что с начальством так поступать не принято. И

что самое обидное – он ведёт себя исключительно прилично! Даже по морде дать не за что. Но достал уже до печёнок!

– Так не нравится? – посочувствовала Марина, невольно покосившись за окно, где до её супруга в очередной раз стремился добраться её петух.

Антон Игоревич Вяземский, поминутно оборачиваясь, но делая вид, что беззаботно прогуливается, шествовал по садовой дорожке, не подозревая, что его ждут впереди.

– Засадную тактику освоил! Не петух, а чистое золото! – машинально отметила она, порадовавшись за Антона, – Хорошо, что я козу на другом конце участка привязала – она там газон выстригает, а то бежал бы Тошенька с визгом и воплями, как на прошлой неделе.

За Антоном Вяземским наблюдала не только супруга, но и кот Ирины Семён Семёнович Горбунков.

Он, как существо, занятое и уставшее за рабочую неделю, наслаждался заслуженным отдыхом, не забывая прислушиваться к рассказу хозяйки.

– *Хотя я и так всё знаю – она же мне лично рассказывает. Вот... дорваться бы мне до этого паррразита!*

Кот с боевым заслуженным опытом по низведению до уровня мыла и сшибанию всяких разных ненадёжных типов, пристающих к его хозяйке, многое может сделать... Только вот добраться до того загадочного места под названием «работа» он, увы и ах, не в состоянии.

Пришлось Семёну Семёновичу ограничиться оказанием ежедневной стрессокогтительной и нервоумурлыкивающей помощи.

Ирина тоже невольно отвлеклась от обсуждения своего упёртого до невозможности работодателя, глядя, как её отец встретился с петухом...

– Мам... а чего это он делает, а?

– Бежит, а теперь прыгает. А вот сейчас орать будет, что я во всём виновата и распустила проклятый курятник.

– Ма-ри-нааааа, это тыыыы в.. ёммм... ааатаааа... – отрывки слов, потерявшихся от повышенной физической активности Антона Игоревича, застревали в кустах и опадали бес- сильным прахом на дорожки.

– Помчался деду твоему жаловаться, – рассмеялась Марина. – До сих пор не понял, чужак-человек, что Игоря Вадимовича всё это чрезвычайно развлекает. Он утверждает, что Антону физическая нагрузка только на пользу, и если петуху это не сложно, то пусть он и дальше... гм... сторожит территорию.

– Петуху, как я понимаю, это совершенно не сложно!

– Именно. Весь курятник с нетерпением ждёт, когда же начнётся очередная серия, а деда твоего зовёт полюбоваться на дивное зрелище его личная курица.

– Марфунья уже стала лично дедовской?

– Да, он попросил меня её уступить – утверждает, что у этой курицы больше химического чутья, чем у подавляющего большинства его ассистентов и помощников. На ночь Марфунья уходит в курятник, а утром – бежит к твоему деду. Да... мы отвлеклись, извини... так что там с Николаем?

– Он, насколько я понимаю, вбил себе в голову, что я должна стать его женой. Причём всё это без малейших признаков влюблённости, я уж про остальное молчу. Мне лично он приятен примерно, как сероводород!

Мать и дочь переглянулись и абсолютно одинаково скривились, благо обе, как химики преотлично представляли себе сей «дивный аромат».

– А нейтрализовать? – Марина Леонидовна подняла брови.

– А как? Нет, я уже созрела до идеи устроить какой-нибудь дивно вонючий эксперимент, специально для этого недотёпы, но он-то свалит, чтобы прийти завтра, а мне в вони работать...

– Нда... но всегда можно что-то придумать! – Марина хулигански подмигнула дочери. – Не дрейфь, прорвёмся – не жидкостью, так паром!

Глава 3.

Лучшее – враг хорошего

– Лучшее – враг хорошего! – провозгласила Марина Леонидовна, почёсывая за ухом истошно мурлыкающего кота Горбункова.

– Само собой, – согласилась Ирина. – Правда, для этого типа я готова использовать все самые лучшие противоКольные средства!

– Ты щедра! – одобрила её мама. – Но у нас есть некоторые ограничения... Во-первых, нельзя делать какой-то опыт, из которого можно делать вывод, что ты устроила специальную диверсию. Во-вторых, нельзя использовать то, что может запачкать лабораторию.

– Или завонять... – мрачно добавила Ирина.

– Именно.

– Хотя... я бы ему даже второй фракции АСД не пожалела бы! – припомнила Ирина один из самый отвратительно воняющих препаратов ветеринарии.

– Твоя доброта не знает пределов! – рассмеялась Марина и призадумалась... – А вообще-то, это идея!

– Так она же как раз воняет!

– Конечно... но воняет там, куда она попала, и если с этим самым предметом Коленька удалится прочь, то и запах уберётся вместе с ним. Основное его количество. Остальное можно убрать обычным проветриванием.

– Ну не знаю... Если на пиджак попадёт, то он его просто снимет... Галстук и рубашка? Ой, АСД так благоухает, что останется у меня в лаборатории и запах, и Коля с обнажённым торсом а-ля натюрель, а оно мне надо?

– Безусловно нет... А вот если попадёт на брюки, то Николай уберётся прочь вместе с брюками, запахом и своей драгоценной натурой!

– Да! Точно! Ты права. Штаны он снимать не станет однозначно, тем более с учётом дурацкой ситуации!

Тут Ирина рассмеялась.

– Забыла тебе рассказать. Был у меня недавно забавный случай. Нет, не с Николаем, конечно, а с Евгением. Он как раз оказался без этого предмета одежды. Случайно вышло, но забавно.

Ирина расхохоталась, вспоминая, как Евгений, явившийся в аккурат в обеденный перерыв со здоровенным пакетом пирогов и надеждой на чай, вывернул на себя весь чайник и залил штаны, начиная от середины бедра и до колен.

– Хорошо ещё включить его не успел! – порадовалась Ирина. – Короче, оказался в мокрых, хоть выжимай джинсах, а ему через пару часов в налоговую надо было ехать.

– Ндаааа, выглядит, конечно, специфически... – вздыхал раздосадованный Женя. – Как будто я заранее как бы это... перепугался. И чего теперь?

– У тебя же есть время переодеться! – подсказала Ирина.

– Да уже не особо... – запечалился Евгений. – Слушай, а у тебя же обогреватель тут в подсобке стоит... Можно я на него штаны повешу?

– А сам ты в чём будешь, прости за нескромный вопрос? – Ирине и в голову не приходило раньше, что есть такие начальники, но с Женей Мироновым она уже давно общалась как со старым приятелем.

– У меня в машине плед есть... – обрадовался Женя.

– Короче, мам, сидел у меня начальник, завёрнутый в пледик, словно шотландец в килте, джинсы сохли на обогревателе, включённом на максимум, а мы ели пироги и пили чай.

– Чего-то недостаёт для драматичности... – рассмеялась Марина Леонидовна.

– Не чего-то, а кого-то! И тууууут...

– Явился старший брат? – догадалась мама.

– Именно! Ой, что было... он почему-то на Евгения ругался таким сдавленным шёпотом, словно сам в себе придушивал слова, которые очень хотелось высказать. Явление второе – те же и шипящий занудень... Он чего-то такое фырчал, что брат – бестолочь лохматая, что никакая приличная девушка не сможет его нормально воспринимать, короче, вёл себя как этакий наставник маленького и глупого мальчика. Очень неуместно! Если честно, Женька в плече выглядел гораздо менее нелепо.

– А что Евгений?

– А вот с ним потом странно вышло... он сидел, пил чай, ломал пироги, фырчал на брата, а потом почему-то покраснел, рванул за джинсами, умчался в подсобку – переодеваться, хорошо хоть уже пятна не было видно. А потом крайне торопливо удалился, впрочем, брата прихватил с собой. Силой уволок. Мужчины... как они там думают, не понимаю...

Ирина пожалала плечами и принялась рассуждать, как можно гарантированно и непринуждённо облить Николая страшно «ароматной» штукой, чтобы она попала именно туда, куда надо.

Её мама тихонько посмеивалась, подавала идеи, но умолчала о том, что эти самые непонятно думающие мужчины, даже попавшие в такую забавную ситуацию, крайне редко краснеют без особых на то причин...

Николай и представить себе не мог, что его присутствие настолько неприятно. Все намёки Ирины он относил на то, что она ещё не поняла и не осознала, что ей привалило такое счастье – перспектива обладания в качестве спутника жизни таким человеком, как старший из братьев Мироновых!

Он даже иногда сердился на её недогадливость, впрочем, довольно снисходительно, машинально поправляя идеальный галстук и идеальные манжеты.

– Что с неё взять... глупышка.

Тот факт, что глупышка была учёным, знала явно больше, чем он сам, умела тоже немало, да и вообще, никаких глупостей, кроме неоправданной снисходительности к его брату не творила, никак его не смущал.

– Женька – редкий дурень! И почему она его терпит? Последний случай с его пребыванием в абсолютно недостойном виде – вообще полное безобразие! Надо бы с ним серьёзно поговорить и объяснить, что его частое присутствие у Ирины Антоновны совершенно неуместно!

Правда, сейчас Николай был слегка занят и именно поэтому отвлёкся от воспитания младшего брата.

Николай невольно вспоминал слова отца, сказанные когда-то: «Ты – старший брат! Это и привилегия – если что покомандовать младшими в своё удовольствие, но и ответственность...»

– Ответственность, удовольствие? Да я бы с наслаждением этого избежал! Но кто меня слушал-то?

Николай ещё в раннем детстве понял, что он – особенный, самый-самый... поэтому появление в его жизни брата Андрея для него было шоком. Нет-нет, родители рассказывали ему о том, что будут любить его по-прежнему, о том, что брат – это хорошо, но у него была своя точка зрения.

Делиться чем-то с Андреем, а потом и с Евгением он нипочём не желал! Нет, хватало и места, и игрушек, и одежды, но это были исключительно его родители, а теперь... теперь ещё чьи-то!

После нескольких скандалов с требованием убрать «это вот» из его жизни, он понял – ничего не получается, а раз так, то надо сделать, чтобы он всё равно был самым-самым. Он

успешно подмял под себя более податливого Женьку, руководя его поступками, как опытный кукловод, а вот с Андреем не вышло. Проклятая музыка... Как же он ненавидел её!

– Музыкального слуха нет... ну, и что? Это ерунда! А вот то, что у Андрея он есть... – трагедия была именно в этом – у среднего брата было что-то лучше, чем у него самого!

Как же он радовался, когда выяснилось, что Андрей боится зрительный зал! С каким наслаждением он бил по больному, растравляя фобию брата, подговаривая Женьку делать то же самое!

– А этот дурачок и слушался! Он всегда меня слушается... – хмыкал Николай. – Правда... сейчас как-то от рук отбил, слишком часто вокруг Вяземской крутится. Надо с ним будет поговорить, но позже, позже.

Женьке как раз очень надо было с кем-то побеседовать по душам... Вот бывает такое – надо выговориться, словно слова, которые клубятся в голове, настырным писком верещат в ушах, но истинную силу обретают только, когда сказаны вслух. Да не просто вслух высказаны, но ещё и услышаны равнодушным человеком.

К отцу ехать с такой ерундой Женька не решился... К маме? Этот вариант вообще не рассматривался. Она не поняла бы.

– Колька? Ну да... как же! Ему-то уж точно рассказывать нельзя. У него приступ оскорблённой гордости случится.

Няня Зина выслушала бы с радостью и даже поняла бы, но был один человек, с которым надо было поговорить по другому поводу, а если разговор пройдёт нормально, то и о том, что беспокоит, можно было бы рассказать.

Именно благодаря этим раздумьям Евгений Петрович Миронов на майские праздники отправился в Карелию.

– Номер в гостинице пусть будет за мной... на всякий случай. Не получится поговорить – вернусь туда и просто отдохну. Места-то дивные! – рассуждал он, на всякий случай настраивая себя на провал своего плана. – Ну не захочет общаться, и ладно, и ничего страшного...

Май, отличная погода, кот, спящий в виде меховой шапки вокруг головы, тихие Миланины шаги и цокот коготков Несси по полу, изумительный запах кофе и черёмухи, цветущей прямо у окна. Что ещё человеку надо?

– Чтобы не было проклятых телефонов! – простонал Андрей, нашаривая рукой мерзко дребезжащий предмет. – Вы-ки-ну!

Он покосился на экран и чуть не выронил гаджет:

– Женька? Что-то случилось?

Сон как рукой сняло, Андрей подскочил на кровати, принял вызов и хрипло спросил:

– Жень, что?

– И тебе доброе утро... – расслабленный голос младшего брата вызвал острое сожаление о том, что в детстве он как-то мало уделял внимание делу внушения ближнему своему Женьку нормальных манер и правил поведения.

– Придурок! Если ничего, кроме доброго утра тебе сказать нечего, то какого зелёного крокодила ты названиваешь в такую рань? – рявкнул Андрей так, что Чегевара покинул хозяйскую подушку и переместился под кровать, исключительно на всякий случай.

В любое другое время Женька ответил бы тем же, они опять поругались бы и этим всё дело закончилось, но это майское утро было какое-то странное...

– Ты чего, спишь ещё? – смущённо отозвался Женька, всегда бывший абсолютно возмутительным жаворонком. – Ээээ, это... извини.

– Че-го? Женька, у тебя что-то случилось? – сон от крайнего изумления как рукой сняло.

– Ну... нет... ничего такого. Я просто случайно оказался поблизости и подумал, а может, нам поговорить?

Андрей был железно уверен, что после того, как Хак раскрыл его махинации, ни один из братьев не захочет с ним общаться, и сейчас чётко понял – младший врёт как сивый мерин!

– Ну да... ну да... Ничего не случилось, а он вдруг оказался рядом, хочет поговорить, да ещё и извиняется?

Вслух он сказал другое:

– Приезжай, конечно! Знаешь, куда?

– Примерно... отец рассказал.

Скинув брату схему проезда, Андрей позвонил и предупредил дежурного на воротах, что нужно пропустить машину Евгения Миронова, а потом отправился на кухню – извещать жену о незваном и неожиданном госте.

– Доброе утро! Мил, тут мой брат звонил... я не помню, говорил я тебе что у меня есть брат, то есть две штуки братьев? Хотя, ты же об этом знаешь...

– Говорил вскользь, да и так знаю, – Милана рассмеялась от интересного способа измерения братьев поштучно, но увидев, как муж помрачнел, налила ему кофе и вопросительно подняла брови, – Что-то не так?

– Понимаешь, какое дело... мы не очень-то ладим.

Чегевара, устроившийся рядом с хозяином, закатил глаза:

– *Всего двое братьев, и он уже расстраивается? Да у меня их пятеро! И это только те, о которых я знаю! Люди против нас всё-таки слабаки!*

– Старший всю жизнь меня терпеть не может, а младший – ну он Кольке всегда и во всём поддавался, так что и он...

– Терпеть не мог? – подсказала Милана.

– Именно. Хотя я им обоим, конечно, прилично подгадил в бизнесе, – честно признался Андрей. – Разочарована?

– В тебе? Нет! – Милана пожала плечами. – Не думаю, что ты сделал бы так же сейчас.

– Не сделал бы... но они-то про это не в курсе, а Женька почему-то едет! Кстати, ты не против?

– Нет, конечно!

Женька Милане понравился – он смешно маялся с букетом цветов, купленным для невестки, потом неловко вручил его Милане. Откровенно воодушевился при виде накрытого стола, ел с аппетитом и воодушевлением, нахваливая блюда, а потом... потом Милана сделала над собой усилие и ушла, оставив братьев одних.

– Пошли, Несси, – она увела щенка и плотно прикрыла двери.

– Красивая у тебя жена... – Женька и не думал, что будет так трудно начать разговор. – Я хотел... ну, в смысле... собирался поговорить...

– Погоди! Дай я сначала скажу. Я хочу попросить у тебя прощения за то, что делал с твоими предприятиями. Я пойму, если ты не захочешь простить. Это было подло.

Женька всмотрелся в лицо среднего брата и кивнул:

– Да, не особо было приятно, прямо скажем... мне одно время даже казалось, что всё, что я делаю обречено на провал. Хотя... я тоже не без греха, если честно. Я тебя сильно гнобил с твоей фобией. Наверное, ты чувствовал себя примерно так же...

– Это скорее Колька тебя подбивал, – Андрей не ожидал такого и теперь удивлённо всматривался в лицо брата.

– Когда я маленький был, да... так можно было сказать, но потом-то! Я недавно начал думать об этом и понял, что это же я сам. Это уже мой выбор. Я же мог бы и не участвовать в Колькиных затеях. Так что ты тоже меня прости!

Братья смотрели друга на друга через стол немного изумлённо, словно заново узнавая кого-то давно знакомого и почти неизвестного.

Первым опомнился Евгений.

– А с бизнесом... знаешь, если честно, я сейчас занимаюсь именно тем, что хотелось делать. Нашёл своё. Так что я тебя простил.

– И я тебя! – уверенно ответил Андрей, невольно вспомнив, как совсем недавно встретил брата, выходящего из машины.

Они не подходили близко друг к другу, как два пса, опасаящиеся нападения, и подсознательно удерживали это расстояние, разделяющее их как пропасть.

А теперь его рука, протянутая через стол, встретила с уверенно протянутой навстречу рукой Женьки. Братья раньше никогда не пожимали друг другу руки, как это делают в знак приветствия и понимания. Может быть, потому что не хотели друг друга приветствовать и не желали понимать?

Пропасть не может быть сама собой, когда через неё прокинут такой мост. Она исчезает, схлопывается и испаряется, потому что шансов сохраниться в первозданно-настороженном состоянии братья ей не оставили!

Они говорили так, как никогда не получалось это сделать раньше, разговаривали как это делают близкие люди. Каждый с изумлением понимал, что жесты, голос, манера речи, черты лица его собеседника знакомы ему по себе. И это узнавание было изумительным открытием!

Умница Милана позвала их на обед, а потом опять быстро ушла, понимая, что этим двоим нужно очень много друг другу сказать.

– Вот проблема-то... иметь брата и только к тридцатнику дозреть до того, чтобы с ним познакомиться по-настоящему! – тихонько объясняла она Несси. – Ладно, братьев я понимаю, а вот что там Че застрял?

Кот бы легко ей объяснил, что он играет роль пространственного уравнилителя эмоций, но люди такие люди... мявлика не понимают, эмоций, кружащихся в воздухе, которые так заметны невооружённым кошачьим глазом, не видят, и таких очевидных любому коту вещей не понимают.

– *Что с них взять-то? Именно! Всё что можно, они нам и так дают. Так что надо просто помогать им жить – работа такая!*

А помогать надо было! Наверное, только благодаря приходу к нему на руки здорового чёрного кота, Евгений и сумел высказать то, чем очень хотелось поделиться.

– Понимаешь, есть одна девушка... Не делай такое лицо! Да, я помню, что я про девиц говорил, но это – совсем другая девушка! Она химик, учёный.

– Да ладно, – удивился Андрей.

– Нет, серьёзно! Дочка профессора, внучка академика, и правнучка тоже, короче, сам удивляюсь как это я так... Ты не думай, мы просто общались – она руководит лабораторией, которую отец нам с Колькой сделал. Так вот, общались мы и общались, общались, общались... Да если честно, я просто старался Кольку от неё отогнать – она хорошая, а наш старшенький... ну, короче, он её изведёт просто.

– Не понял, он что, влюбился? – изумился Андрей.

– Да что ты! Он просто решил, что она ему по породе подойдёт. Ну, академическая среда, очень хорошая семья, научная элита, ёлки-палки!

– А она? Колька ей нравится?

– Нет! Стопудово нет! Я бы не полез... Так что поначалу я ездил просто по делу, ну, и чтобы старшего нашего немного подвинуть. А потом получилась такая нелепая штука!

Когда Женька рассказывал о своём пребывании в лаборатории в образе шотландского горца в килте, на Андрея от смеха икота напала...

– Да чего ты ржёшь-то? Я ж серьёзно! Ну не успел бы я переодеться для налоговой... – фыркнул Женька. – И вообще, всё было очень это... приличненько!

– Уууббилллл наппповал! – Андрей со своим богатым воображением едва отсмеялся.

– Ну вот... а потом начал мне наш ментор зудеть, что я балбес, что выгляжу так, будто только что слез с ближайшей берёзы, что на меня ни одна нормальная девушка серьёзно второй раз не посмотрит, если увидит, какой я на самом-то деле. И тут меня как обухом по голове стукнуло – Ирина-то смотрит! В смысле, она меня видит настоящим! Я-то не пытался за ней ухаживать, чего-то там изображать, пыжиться, как Колька. И я ей явно не противен. Мы хорошо общаемся, так... ну, тепло! Короче, я тогда Кольку силой уволок...

– Надеюсь, увлакивал ты его не в пледике? – язвительно уточнил Андрей.

– Нет, переоделся сходил! А! Это ты вредничаешь? Ну я ж припомню, за мной же не заржавеет! – рассмеялся Женька, а потом посерьёзnel. – Я вот чего хотел спросить... как ты думаешь, а я могу... рассчитывать, что она меня всерьёз когда-нибудь воспримет? Мне Колька уже все уши прожужжал, что такие как я к семейной жизни вообще непригодны.

Андрей хотел было высказать, что именно думает о старшем брате, но не стал – Чегевара прыгнул к нему на руки и потёрся мордой о подбородок.

– Он и тебе крылья подрезает? Ну как же ты не понял? Всё с тобой в порядке, всё нормально! Просто Колька завидует тому, что ты так легко сходишься с людьми, что легко общаешься. А с девушкой... – Андрей неожиданно улыбнулся и кивнул на закрытую дверь, куда ушла его Милана, – Знаешь, если даже меня с моими проблемами восприняли всерьёз... Короче, дерзай! Я в тебя верю!

Высказанные слова повисли в воздухе, закружились вокруг стола. Че отлично их видел – так бывает с настоящими словами. А слова летали вовсе не просто так – оба брата почувствовали себя и сильнее, и счастливее – потому что так важно, когда твои слова нужны... потому что так важно, когда в тебя верят!

Глава 4. Дом под дождём

Странно бывает, когда ты видишь перед собой отлично знакомого тебе человека, родственника, да что там... родного брата, и понимаешь, что ты его раньше банально не знал.

– Кто бы мог подумать, что Андрюха у нас такой... настоящий! – удивлялся младший брат вечером.

Нет, он собирался уехать в гостиницу – в самом-то деле, надо и честь знать! Поговорили они просто замечательно, накормили его роскошно – он и в ресторанах не часто такое ел, а главное... главное-то, что он с братом пообщались. Да так, что словно укатилась с души прочь огромная колючая каменюка, которая давила и мешала ему двигаться дальше.

– Поеду я... – начал было Евгений.

– Чего это? – удивился Андрей. – У тебя чего? Живность без присмотра оставлена?

– Нет, у меня соседка хорошая – она на пенсии, свои животные есть, ну и за моими присматривает, если я куда-то уезжаю. Я ж и по командировкам мотаюсь, и к родителям...

– Тогда что за необходимость?

– Мне неловко... вроде как напросился...

– Да все бы так напрашивались! – отмахнулся от возражений Андрей. – Ты первый раз в жизни ко мне приехал по-настоящему. И знаешь... я очень рад!

Укатившийся колкий и острый камень покрылся сеткой трещин и начал потихоньку распадаться, давая надежду на то, что теперь-то всё будет немного не так, а лучше! Нет, правда, лучше!

– Дурак и неисправимый оптимист! – убеждал себя Евгений чтобы потом было не слишком больно разочаровываться, но так тепло было на душе, так неожиданно славно он ощутил себя в этом доме, что... взял и сам себе разрешил поверить.

Окончательно вопрос решила Милана.

– Жень, оставайтесь! Я вам уже комнату приготовила, а на ужин будет курица в сметанном соусе с душистыми травами.

Когда она вышла из комнаты, тихонько посмеиваясь над явно восторженным видом деверя, Женя покосился на брата и попросил:

– Андрюх, а сыграй что-нибудь... Ну если тебе не трудно!

Он попросил и вдруг смутился – вспомнил, как они с Колькой орали дурными голосами под дверью комнаты, где занимался Андрей, как пугали его перед выступлениями и экзаменами в музыкальной школе. Нет, его фобия возникла не из-за их дурацких поступков, но они явно подливали масла в огонь...

– Теперь не трудно, – хмыкнул брат.

За окном зашумел дождь, темнота сделала освещённый дом самым уютным и мирным местом на земле, таким кораблём в океане весеннего вечера, вчерашних проблем, сегодняшних открытий, позвякивания хрустальных подвесок на люстре, умопомрачительных ароматов, шорохов, прилетающих из тёмных углов, где внезапно обнаруживался Чегевара, и посапывания Несси. Дождливые струи отрезали их от всего мира, сделав их корабль настоящим ковчегом, плывущим по этому дождю, по этому вечеру в музыке и неожиданной безмятежности.

Никогда Женя не был особенным меломаном... нет, конечно, кое-что мог определить по звучанию, недаром же всё детство краем уха слышал, как брат занимается.

– Играет вперемешку, что в голову приходит, – сообразил он. – Это Моцарт, а это... как его... а, Вивальди, кажется.

А потом... потом он уже не мог определить автора, его просто уносило куда-то потоком музыки, настолько гармонично вплетающейся в его настроение, что казалось – она звучит внутри.

Рядом обнаружились Милана, к которой на руки тут же пробралась Несси, и Женька решился – почти беззвучно задал вопрос:

– Что он играет?

– Это его музыка, – Милана смотрела на мужа и улыбалась так нежно, так...

– Дорого бы я дал, чтобы на меня когда-нибудь так посмотрели... посмотрела Ира, – вдруг сообразил Евгений, и только тогда до него дошло, что именно Милана ему ответила.

– Его? Он реально это вот написал? – шёпотом уточнил он.

– Ну да... – Милана удивлённо покосилась на деверя. – Ты разве не знал, что он теперь пишет музыку?

– Знал, но... но это же невероятно! Это так... здорово! Он, что, гений?

– Возможно, – серьёзно кивнула Милана.

– *И не возможно даже, а точно!* – насмешливо поблёскивали глаза Че, восседающего на подоконнике в непосредственной близости от своего людокота. – *Ещё бы! С таким котом, как я, любой гением станет, что бы там это не значило!*

– Пётр Иванович, у нас новости! – Хантеров позвонил Миронову-старшему утром следующего дня.

– О Николае?

– Нет, о Евгении...

– Слушаю... – напрягся Миронов, машинально подумав о том, что сыновья последнее время как-то активно испытывают его на прочность.

– Он приехал к Андрею и даже с ночёвкой. До сих пор там. Ни драки, ни скандала не было. Всё вполне благополучно.

Когда Хантеров говорил «благополучно», то это означало, что можно выдохнуть и по крайней мере на этом участке событий подвоха не ожидать.

– Хорошо как... – пронеслось в голове Миронова. – Неужели нашли общий язык?

Как выяснилось, вопрос он произнёс вслух, и Хак исполнительно на него ответил.

– Похоже на то... забегать вперёд не будем, но я думаю, что они сумели поговорить по душам.

– А не пора ли нам по душам побеседовать с Николаем? – осведомился Миронов.

– Дай мне ещё немного времени, – попросил Кирилл Харитонович. – Надо кое в чём убедиться.

Праздники у нас любят, отдаются им всей душой, лелеют их и традиционно уважают это время. Именно поэтому Хак прекрасно понимал – бессмысленно пытаться найти и опросить людей, плотно окопавшихся кто где – на дачах, в парках, на отдыхе у моря.

– За праздники он ничего фатального не сделает, тем более что за ним присматривают, а дальше... дальше мы разберёмся!

Евгений уже давно вернулся домой, был облизан с ног до головы своими псами, привычно облит презрением со стороны котов, прощён, выпущен на работу, и даже успел разругаться с технологом по поводу новой серии кормов, как вдруг ему позвонил Николай.

– Ты где? На заводе на своём? Вот и сиди там. В лабораторию сегодня не суйся, понял? – вместо приветствия произнёс он.

– С чего бы это?

– С того, что я так сказал! – Николай был уверен в своей власти над младшим управляемым и покладистым братом, поэтому откровенно удивился, услышав решительно высказанный маршрут, по которому его отправил Евгений.

– Я как раз сегодня буду в лаборатории! И не говори мне, что я должен делать, понял?

– Ты что, не понимаешь, что ты со своими дурацкими кормами ей не интересен? Это просто неуместно... твоё там появление! – забухтел Николай.

– Мы с ней вообще-то работаем. Это ты там появляешься с вениками и без образцов для исследования. Я вот вообще не понимаю, зачем тебе нужна была лаборатория? Ты ж как разливал свои концентраты по флаконам, разбавляя их и примешивая разные красители и ароматизаторы, так и продолжаешь это делать!

Женя не ожидал такой реакции от старшего брата!

На него вылился такой поток негодования, ярости и претензий, от которых хотелось отряхнуться, как крупному псу от воды.

– И запомни! Ирина на тебя второй раз и не посмотрит! Ты – ничтожество. Ни одна серьёзная девушка не захочет с тобой быть! – слова как гвозди вбивались в голову Женьки, уничтожая его. Но прошедшие дни не прошли даром...

– Заканчивай! Я не буду тебя больше слушать! – рявкнул всегда такой управляемый и покладистый Женька. – И не лезь в мою жизнь! И как на меня будет смотреть Ирина, не тебе решать!

Николай ничего не понял... Как это? Младшего он в принципе не воспринимал как соперника, как противника, как... как что-то хоть минимально значимое. И тут, нате вам!

– Ты что, озверел?

– Нет, в себя пришёл! – отрезал Женька.

– Вот там и оставайся... и, если у тебя какие-то иллюзии про Ирину появились, я тебе сразу скажу – не тешь себя ими. Она не для тебя.

Николай прервал разговор и гневно прищурился. Младший что-то стал выходить из-под контроля и мешать ему жить!

– Ну погоди у меня. Мне ещё немного времени надо, и я тебе покажу!

Планы, планы... времени-то у него больше и не оставалось – все люди, с которыми собирався пообщаться Хантеров, уже напраздновались, а потом и наобщались с ним, ответив на все его вопросы, а сам Кирилл Харитонович уже выехал за старшим и крайне предприимчивым сыном своего друга и работодателя...

Нет, кое-что Николай Миронов всё-таки успел! Как бы это... на свою голову!

Появление машины Николая Петровича Миронова у лаборатории вызвало небывалый энтузиазм у Ирины Вяземской.

– Интересно, с чем пожаловал? Если с работой, то работаем! Если с дурацкими разговорами и намёками, то... то тоже работаем, но уже несколько в иной направленности... – Ирина усмехнулась.

Николай в комплекте с разговорами, намёками и очередным веником цветов вплыл в помещение лаборатории.

– Ирочка, как вы тут? Замучил вас мой неуёмный братец? – снисходительно проговорил он.

– Николай Петрович, здравствуйте! Почему же замучил? – Ирина что-то печатала, сверяясь с рукописными записями.

– Да потому, что занимается он всякой ерундой и вам голову морочит, – с непоколебимым апломбом отозвался Миронов.

– Занимается он работой! – неожиданно оскорбилась за Евгения Ирина.

– Да какая это работа, кошатин и всяких блохастых кормить? – скривился Николай. – Никогда не понимал, как можно в доме держать всякую ерунду!

– Ну уж какая есть! – если Ирина и сомневалась, стоит ли применять противоКольные меры, то все её сомнения разом закончились. – Ой, Николай Петрович, вы сегодня сюда лучше не садитесь... У меня работа над не совсем безопасным компонентом.

– Да какие тут могут быть небезопасные компоненты? – хмыкнул Николай, косясь на штатив для пробирок, который стоял рядом с «его» стулом. – Вы же исследованиями по кормам занимаетесь?

– И по ветеринарным препаратам тоже, – мило улыбалась Ирина.

Глупый напыщенный гусь собственными перепончатыми лапами шлёпал в нужном направлении!

– Это лекарства, что ли?

– Витаминные добавки, зооБАДы, – пожала плечами Ира.

– Ирина Антоновна, я как раз хотел с вами, то есть с тобой поговорить! Я понимаю, что тебе хотелось показать, что ты что-то можешь, а тут лаборатория... но все эти корма, добавки, глупости... Да и зачем тебе работать, если уж на то пошло?

Ирина мысленно поблагодарила деда. Благодаря многолетней «морозильной» атмосфере в его доме, на такие разговоры у неё был прекрасный иммунитет.

– Простите... мы разве с вами перешли на «ты»? И почему вас так беспокоит моя карьера?

– Ирочка, может быть, ты перестанешь делать вид, что ты не понимаешь, о чём я говорю. Мне кажется, что моё к тебе внимание, мои визиты и прочее ты поняла однозначно!

– И как же я должна была всё это понять? – холодно уточнила Ирина.

– Ты привлекательная, умная девушка из хорошей семьи, а я... я – старший сын и наследник династии Мироновых! – с видом императорского наследника произнёс Николай, – Разумеется, я заинтересован в такой жене, как ты.

– Вы, кажется, забыли спросить меня, как я отнесусь к вашей идее, – холодно отозвалась Ирина. – И мне она совсем не нравится...

Николай, пожав плечами, решительно выдвинул привычный стул и попытался сдвинуть штатив с пробирками в сторону.

Почему-то это у него не вышло, тогда Николай приложил некоторые усилия, потом к усилиям добавил раздражение, не замечая, что Ирина торопливо отходит как можно дальше, а потом попросту оттолкнул штатив со всей силы, он чуть поддался, зато жидкость в пробирках всколыхнулась, почему-то вспенилась, зашипела и оскорблённо плеснула на агрессора, посмевшего её потревожить.

– Уй, облился... уххххфффсссс, хххх... Ффффччто это? – хрипло зафырчал Николай, обнаружив на себе что-то неописуемо, невозможно вонючее. Это что-то окатило его неожиданной для такого небольшого объёма щедрой волной – брызги и пенистые островки, продолжавшие шипеть, рассеялись от груди до колен.

Ирина метнулась к ближайшему окну и широко распахнула его, сильно озадачив радостной и явно хулиганской улыбкой подходящего к лаборатории Хантерова.

– Ой, Кирилл Харитонович... вы к нам лучше не заходите, – она быстренько сменила выражение лица на серьёзное и даже слегка озабоченное, правда, покерфейс держался слабовато...

– Что-то случилось? – Хантеров слышал какие-то булькающие звуки через окно, а потом весенний ветерок донёс до него ЗАПАХ! – Ээээ, помощь нужна?

– Ирааа, что этоооо? – бульканье сменилось на отчаянный вопль.

– Это? Я же вам сказала, что это лучше не трогать, а вы, мало того, что трогали, так ещё и резко подвинули, и на себя вывернули! – Ирина старалась не смеяться. – Это ветеринарный препарат, о котором вы говорили, что всё это глупости...

Хантеров хмыкнул, быстро прошёл в помещение лаборатории и невольно задержал дыхание – атмосфера внутри была абсолютно непригодна для пребывания в ней людей, причём неописуемая, непередаваемая вонь шла от Николая Миронова, залитого какой-то коричневой гадостью.

– Меня мутит... – стонал Коленька, сдирая с себя пиджак и торопясь к выходу. – Это отвратительнооооо...

– Не то слово! – хладнокровно согласилась с ним Ирина. – И да... надеюсь, вы уловили моё отношение к вашим идеям? Оно примерно такое же, как ваша реакция на запах.

Николай, сдирающий с себя рубашку, как раз в этот момент сообразил, что ему придётся выходить к машине, а это без одежды как-то делать не принято, и как минимум, брюки и рубаха должны быть на нём. При каждом его движении вонь усиливалась и усиливалась, и он даже не сразу сообразил, о чём Ирина говорит. Впрочем, сообразив, тратить время на ответ не стал – кинулся на улицу к машине, вызвав паническое бегство людей, случайно оказавшихся неподалёку от его драгоценной особы.

Ирина хладнокровно проводила его взглядом, а потом взяла со стеллажа небольшой распылитель с прозрачной жидкостью и побрызгала ею в помещении лаборатории.

Вонь, заполонившая комнату, стремительно превращалась в лёгкий свежий аромат с горьковатыми нотками грейпфрута.

– Эффектно... – оценил Хантеров. – Пиджачок вот ещё бы побрызгать... Коленька обронил, да так и запамятовал, – он кивнул на невнятную горку ткани у выхода.

– Запросто! А вы его не передадите Николаю Петровичу? – Ирина мило улыбнулась, полностью перебивая вонь жидкостью-нейтрализатором, разработанным за праздники в домашней лаборатории деда. Они с мамой в четыре руки отлично справились, да ещё и кучу удовольствия получили.

– Отчего же не передать? Передам. Теперь-то он вполне-вполне терпимо пахнет. Один вопрос... он у меня в руках не расплзётся в какого-нибудь химического осьминога?

– Ой, что вы... таких целей я перед собой не ставила! Это просто нейтрализатор запаха! – Ирина довольно кивнула на жидкость. – Вполне-вполне можно получить патент и использовать в домах, где есть животные.

– Да, причём животные очень-очень разных видов, – понимающе протянул Хантеров, показав взглядом на пиджак. – Из тех, что слова понимают значительно хуже, чем коты и собаки. – Отличная штука этот ваш нейтрализатор! А ещё не подскажете, что это за гм... химическая атака была?

– Да вот... Николай Петрович штатив закреплённый зачем-то от стола отрывали... отрывали, отрывали, а потом как толкнули... штатив дёрнулся...

– Мышка хвостиком махнула, яичко и разбилось, – в тон ей продолжил Хантеров.

– Ну так тоже можно сказать, – улыбнулась Ирина.

– А штативчик, как я понимаю, не просто так был закреплён?

– Правильно понимаете. В пробирках была органика, проводилась экспериментальная реакция с катализатором, от резкого взбалтывания началась неконтролируемая реакция, которая завершилась на гм... Николае Петровиче.

– Прекрасно! Просто прекрасно она там завершилась! – тепло улыбнулся Ирине Хантеров. – Я всегда говорил, что с медиками и химиками надо обращаться крайне корректно. Общество своё не навязывать, и эго своим не потрясать, а то мало ли что...

– И не говорите! – решительно кивнула головой Ирина, – Тем более, если речь идёт о химике в рабочей лаборатории!

Именно в этот момент дверь распахнулась и в помещение влетел Евгений Миронов.

– Ирина, всё в порядке? – он уставился на Хака, с бесстрастным выражением пакующего в чёрный мусорный мешок, поданный Ириной, чей-то крайне замызганный пиджак, от которого внезапно пахло непередаваемой потусторонней вонью.

Евгений аж отшатнулся, но Ирина, переглянувшись с Хаком, хладнокровно побрызгала какой-то жидкостью из небольшой бутылочки и вонь моментально сменилась приятным запахом.

– Ирина Антоновна, вы в пакетик ещё брызните, а? – Хантеров насмешливо покосился на Евгения, – А то опасаясь, что не довезу я пиджачок вашему второму работодателю.

– Да, конечно... а можно вас попросить и цветочки забрать? – Ирина нейтрализовала «дивный аромат» пиджака и кивнула на очередной букет.

– Запросто... Женя, подай мне вон тот веничек из розочек, – ласково попросил Хак Евгения. – Его твой брат забыл – так торопился на воздух.

– А что случилось-то? – Евгений недоуменно обводил взглядом помещение. – Там на дорожке Колькин галстук валяется и это... смердит не по-детски! Прямо фонит!

– Ой, я сейчас и его дезактивирую, – улыбнулась Ирина и заторопилась во дворик, располагавшийся около лаборатории.

– Хак... ты мне можешь объяснить? – озадаченно окликнул Евгений довольного, как сытый кот, Хантерова.

– А что тут объяснять? Твой старший брат достал Ирину, вот она ему и показала, что бывает, когда с посконным рылом лезут в калашный ряд. И, кстати, насколько я могу судить, тебя она воспринимает совсем иначе, так что учти... И да... я бы на твоём месте уговорил бы её заключить договор на производство этой самой пшикалки – нейтрализатора запахов. Я много чего видел, но это – роскошная штука!

Глава 5. Что чем пахнет

Евгений, как человек, животных в наличии имеющий, отлично понимал, что значит изобретение универсального нейтрализатора запаха, да ещё такой дивной интенсивности. Понимал, но, к его чести, заторопился за Ириной вовсе не для того, чтобы про нейтрализатор поговорить.

– Ир, с тобой всё в порядке? Николай... он тебя не обидел?

Хантеров, без малейших зазрений совести подслушивающий разговор, довольно улыбался – реакция младшего из братьев была абсолютно верная! Уж он-то знает, что Женя всегда отличался крайней увлечённостью, и уж если чем-то занимался, то всякие сторонние вещи его попросту не интересовали. К девушкам от относился с изрядной долей сарказма, всерьёз ничём не воспринимал, разве что как профессионалов, вот как Ирину. Остальные, с его точки зрения, годились только для несерьёзных развлечений, да и только.

– О как ты заговорил... – беззвучно хмыкнул Хак, слушая Женькины вопросы и достаточно взвешенные ответы Ирины. – Переживаешь! Зацепила она тебя, и вовсе не как химик. Вот и правильно, вот и действуй в том же духе!

Хантеров отлично знал, что правильно найденные спутник или спутница жизни способны сделать эту самую жизнь гораздо, несоизмеримо лучше. Ну и наоборот, неверный выбор может не просто навредить, разорить или ввергнуть в депрессию, приправленную жуткими переживаниями и душевными травмами. Этот самый неверный выбор может попросту угробить человека.

– А вот этого нам не надо! Да и потом... кому придётся разгребать все эти трагедии, проблемы и прочее безобразие? Правильно, мне! А оно мне надо? – Хак, когда бывал дома, наблюдал за своими котами и вывел одно замечательное правило – если можно избежать проблемы, обойти их по широкой дуге, лучше постараться именно так и сделать – чисто кошачий подход.

Хак корректно подождал, пока Женька выяснит, всё ли хорошо с его химиком, и только после этого возник около собеседников, стоящих в дворике.

– Я думаю, что галстучек тоже лучше забрать... – произнёс он.

– Однозначно! – утвердительно покивал Женя, – Убери это подальше! И ещё, я хотел спросить, а можно как-то так сделать, чтобы он тут не появлялся? Нет, я понимаю, что лабораторию создавали и на мои, и на его проекты, но он же ничего не делает!

Хак пожал плечами, скупой улыбнулся Евгению, намекая, что этот вопрос не в его компетенции, а потом обратился к Ирине.

– Я чего пришёл-то... За отчётом. Он готов?

– За каким ещё отчётом? – уточнил Евгений.

– По работе с Николаем, – пояснил Хантеров, понимая, что Женька, вошедший во вкус защиты понравившейся девушки, просто так не отстанет. – И правильно, и защищай, и интересуйся, а не только о кормах беспокойся! – подумал он.

– Да, всё готово, – кивнула Ирина. – Сейчас принесу.

Хантеров ловко подхватил краем мусорного пакета галстук, выглядящий так, словно его пожевала да и выплюнула какая-то крайне трудолюбивая и педантичная корова, присоединил его к пиджаку и довольно принялся.

– Изумительная штука этот нейтрализатор! – констатировал он, покидая гостеприимный дворик с отчётом, полученным от Ирины. Нет, можно было бы в электронном виде запросить, но как тогда объяснить визит с целью «а понаблюдать»?

– Изумительная... не то слово! – пробормотал Женька, имея ввиду вовсе не нейтрализатор!

Женьке и в голову не пришло, что от его невыносимого брата можно так красиво отделаться!

– Зато Ирине пришло! И как элегантно всё сделала! – хохотали над незадачливым Николаем его отец и Хак.

Правда, это был единственный повод для смеха. Потом Пётр Иванович помрачнел и вопросительно покосился на друга.

– Что, всё плохо?

– Ну так скажем, не очень-то хорошо... Всё именно так, как я себе и представлял – Николай практически все средства, которые ты выделял на лабораторию, пустил налево. Ровно так же, как весьма значительные вливания на развитие его цехов. Марина отследила все маршруты, я переговорил с людьми и убедил их в том, что лучше не связываться, а вернуть деньги в первоисточник и пока помалкивать об этом. И, разумеется, вернуть не на счета Николая...

– То есть, ты оставил его без этих средств?

– Именно так. Они возвращены тебе. Нецелевое использование твоих денег в ваш с сыновьями договор никак не входило. Я только одного не смог понять... Почему он решил, что после той ситуации с Андреем ему всё сойдёт с рук?

– Пригласим и спросим! – решил Миронов – старший.

– Да, только не сегодня, а ещё лучше и не завтра, – посоветовал Хантеров, – Ароматец от Коли сейчас, знаешь ли... слабопереносимый. Пусть сначала хоть немного отмоется! Его-то Ирина Антоновна не обрабатывала нейтрализатором! Кстати, исключительно многообещающая штука!

Многообещающую штуку оценили не только Хантеров и Евгений Миронов.

Академику Вяземскому, вызванному в сад для демонстрации возможностей изобретения невестки и внучки, сначала пришлось заткнуть собственного сына, бубнящего что-то вроде:

– Да что там они могли придумать? Туалетную пшикалку? Вот уж дожили! Вяземские докатились до таких низкопробных занятий... Хотя чего ожидать от Марины, которая ушла из науки и занялась какой-то ерундой и КУРЯТНИКОМ, и Ирины, которая анализирует ингредиенты собачьей и кошачьей еды!

– Антон! – рыкнул на него академик.

– Что Антон? Отец! Разве ты не видишь, сам не замечаешь, что это просто невыносимый позор? Это же пахнет потерей репутации нашей семьи!

– Пахнет? Милый, ну что же... – зловещая улыбка супруги Антона почему-то не насторожила. – Раз ты так в этом уверен... значит, ты без сомнений согласишься принять участие в небольшом эксперименте!

Пока Антон собирался с мыслями и пытался отыскать логические предпосылки для такого вывода супруги, она, подмигнув дочери, откупорила флакончик АСД второй фракции и ловко плеснула его на домашний костюм Антона Игоревича.

Ирина вовремя уткнулась лицом в дедовское плечо и тем самым заглушила смех, заодно слегка нивелировав «дивный аромат» недавно использованного sklepa, почему-то находящегося в давно не чищенном свинарнике.

Вадим, её старший брат, который оказался в тот день в дедовских владениях, сдавленно охнул и поспешно отступил назад, спасаясь от волны страшного смрада.

Сама Марина ловко прижала к лицу надушенный платочек, передав такой же золовке Софии.

Академик только носом повёл, озадаченно хмыкнув – всё-таки опыт и научное самообладание никуда не делось.

Зато «подопытный профессор» мог бы сейчас воплотить в жизнь мечты многих поколений студентов, нещадно им третируемых – он был в глубоком шоке, сменившимся пронзитель-

ным воем. Впрочем, вой быстро закончился – просто дыхание перехватило от ужасающей вони. Борясь с приступом тошноты, профессор, изумлённый таким поведением жены, проскрипел:

– Марррринаааа, что это? Ты ссссуммасшшла?

– Нет, не сошла. Как запах, достаточно пахнет потерей репутации или добавить?

– Кхххыыы... – содержательно отвечал профессор, судорожно сглатывая.

– Согласна, аромат тот ещё... Итак, все оценили, да? А теперь мы применяем то самое «позорно-туалетное средство»! Вадик, придержи отца, а то, если он сбежит, завоняет нам весь дом, и тогда я пушу по его следу козу! Полагаю, Сколопендра оценит аромат...

Вадим с сомнением покосился на отца, явно не имея сил приблизиться к эпицентру обонятельного кошмара. Правда, его содействие было и не нужно – Антон встал как вкопанный.

Марина, не отрывая платка от лица, быстро шагнула к мужу, зажмурившемуся в ожидании новых ужасов, и опрыскала его нейтрализатором.

Мгновенное исчезновение отвратительнейшей вони было сродни нажатию кнопки на невидимом пульте.

– Кххххыыы... – профессор начал было выражать своё бесценное мнение и замер, пораженный неожиданным открытием – ничего больше не воняло! – Ыыыыы? – спросил он.

– Это не ыыыы, а нейтрализатор, который мы с Ирочкой изобрели на майских праздниках, – просветила недогаду супруга Марина. – Ну что, легче тебе?

– Ааагггаа, – ошеломлённо кивнул Антон, осторожно приюхиваясь к собственной персоне. Персона благоухала лёгким ароматом грейпфрута.

– Ни-че-го-се-бе! – изумился Вадим. – Да это же будет пользоваться безумным спросом! А на какие запахи действует?

– Все запахи, которые были в доступе, мы проверили, всё «выключается» на счёт раз. Короче, заранее не проверяли только вот этого безобразие, – Ирина кивнула на флакон, уже предусмотрительно опрысканный нейтрализатором, – Его проверили только что. Так что теперь могу заверить – убираются неприятные запахи любой органики – любого пропавшего продукта, любых отходов жизнедеятельности, даже свиные – я специально в деревню ходила!

– А кошачьи метки? – живо заинтересовался Вадим.

– На счёт раз! Я проверяла! – ответила ему младшая сестра. – Все запахи превращаются вот в такой ненавязчивый аромат!

– Но это же замечательно! – София, которая в собственном доме была вынуждена сталкиваться с готовкой и уборкой, и периодически, как и любая другая хозяйка, мечтала о таком вот средстве.

– Дорогие мои, а ведь это действительно прорыв! – резюмировал академик Вяземский.

– В туалетном направлении, – проскрипел его сын, всё ещё оскорблённый и крайне раздосадованный.

– Антон! – несмотря на девятый десяток, Игорь Вадимович Вяземский мог перекрыть шум от целой аудитории студентов, одним рыком призвав их всех к порядку, что ему один неразумный и высокомерный отпрыск? – Ты доиграешься! Мариночка, есть у тебя запасной флакон АСД? Есть? Вылей на Антона и не нейтрализуй, пусть бегаёт и благоухает!

Антон, крайне укоризненно глянув на отца, поспешил молча ретироваться, а академик от души поздравил невестку и внучку.

– Прямо сегодня я позвоню нашему юристу, чтобы он с вами связался и начал готовить документы для получения патента. Это средство имеет огромный потенциал! И... и я горжусь вами обеими!

К сожалению, далеко не у всех глав семейств был повод гордиться своими отпрысками... Вот, Пётр Иванович Миронов, например, крайне хмуро смотрел на старшего сына, доставленного Хантеровым для серьёзного разговора.

– Николай... ты ничего не хочешь мне сказать? – сухо уточнил Миронов.

– Смотря, что ты хочешь услышать, – абсолютно не смутившись ответил сын.

– Правду, желательно! Почему ты выводишь средства?

– Аааа, пронюхал? – Николай с отвращением покосился на Хантерова. – Ну ещё бы...

– Я жду ответ! – напомнил Миронов. – Как ты смел заниматься такими вещами?

– Какими такими? – спокойно уточнил Николай. – Это же и мои деньги... я – твой первенец, наследник, а ты... ты взял и вгροхал в Андрея гигантские суммы! Да, и это уже после того, как он попался! Ты... ты же тратишь по сути то, что должно отойти ко мне! И на кого? На этого никчёмного типа? На обоих никчёмных олухов! Ты снял Андрею коттеджи, ты нашёл ему невесту – наследницу богатейшей семьи, ты даже домину ему купил в подарок к свадьбе! А мне? Почему ты мне не дал эти деньги? Почему меня не познакомил с дочкой Брылёва? А? И да! Я не занимался никакими «такими» вещами! Я брал своё! То, на что я имею полное право, как твой старший сын!

Ошеломлённый Пётр Иванович перевёл взгляд на Хантерова, едва заметно пожавшего плечами.

– Погоди-ка... ты это сейчас всерьёз? – негромко спросил отец у «первенца и наследника».

– Конечно, всерьёз! – напыщенно ответил Николай.

– Нда... а дело-то зашло слишком далеко! – резюмировал Хантеров.

– Отец! Почему ты позволяешь этому типу тут сидеть и что-то высказывать? – возмущился Николай, с ненавистью глядя на Хака. – Он постоянно подыгрывает то Андрею, то никчёмнику-Женьке!

– Не то, чтобы тебя это касалось, но я отвечу на этот вопрос... – Пётр Иванович тяжёлым взглядом смерил сына. – Ты, видимо, никогда не смотрел список держателей акций нашей корпорации... Кириллу Харитоновичу принадлежит достаточно солидный пакет, что делает его крайне заинтересованным лицом, и да... человеком, которому я полностью доверяю! Ты в это никогда не вникал, но, когда был последний кризис, именно Кирилл спас нашу компанию от разорения. Именно поэтому я передал ему часть своих акций.

– Ну хорошо, ладно, – поморщился Николай, решивший отложить вопрос разбазаривания отцом его имущества на потом, – Как акционер и типа спаситель он имеет какие-то привилегии, но сейчас это семейное дело и только наш с тобой разговор! И я настаиваю, чтобы он ушёл!

– Нет, настаивать ты не можешь. Ты взял и украл деньги, которые выпросил у меня под совершенно определённые проекты. Ты изначально не собирался их туда вкладывать?

– Собирался, а потом... потом узнал, что ты тратишь столько на Андрея и решил, что имею право взять их себе! А на производство я могу запросить большие суммы! Я имею право!

Трудно что-либо объяснить человеку, полностью уверенному в своей правоте с самого детства.

Трудно, но, возможно, наверное... Ведь так?

Глава 6. Неблудный сын

Пётр Иванович потёр виски и поднял взгляд на сына.

– Ты мог бы мне объяснить, а с чего ты взял, что у тебя есть это право?

Вопрос был интересен, правда, сформулировать ответ у Николая сразу не вышло. Право же, как объяснить то, что вам кажется абсолютно естественным и неоспоримым фактом бытия, на котором стоит ваша вселенная?

Если бы Николай очень-очень внимательно проанализировал свои убеждения, перебрал бы их, припоминая, откуда что взялось, то, возможно, дошёл бы и до первоисточника, а, может, и нет... очень уж давно это было. Да и первоисточник был столь крохотным и незаметным, что вряд ли толком отпечатался в его памяти.

Да, было дело, когда к родителям приходили гости и видели малыша Колю, то говорили что-то вроде:

– Ну, Петька, какой у тебя наследник-то появился! Богатырь, умник! Теперь есть кому дело оставить!

Или так:

– Оооо, какой продолжатель рода! Серьёзный такой! Точно с бизнесом отцовским управится! Одной левой!

А, может, даже так:

– Ты ж глянёшь... прямо наследный принц – солидный такой, даром, что от горшка два вершка! Наследничек-то прям на загляденье!

Да, шутки, да, ничего серьёзного. Слова, о которых взрослые и солидные дяди и красивые тётки забывали через секунду, все эти слова оседали в жадном сознании Коленьки и впитывались им.

– Я – наследник! Я – продолжатель! Я – принц! Всё мне! Я буду владеть всем!

Если бы он был более добродушен по натуре, менее честолюбив и зациклен на себе, менее сдержан по характеру, менее замкнут и серьёзен, то, поиграв этими фантазиями, он или отбросил их в сторонку, приступив к новой забаве, или выдал бы родителям, которые аккуратно объяснили бы ему, что дяди и тётки вовсе не это имели ввиду, да и вообще так думать неправильно, но Коля был не таков... Что попадало в его «святая святых», то там оставалось, обрабатывалось, взращивалось, тщательно сберегаемое и лелеемое. Даже профи-психологи не сумели пробиться в эту «святую святых».

А тут ещё, как назло, родился Андрей...

Ну как наследник вся отцовского бизнеса мог его воспринимать? Правильно, как конкурента на его наследный трон!

Рождение Женьки и вовсе разочаровало Николая в разумности родителей. В самом-то деле, зачем родился ещё кто-то, если у них есть Коленька? Сразу понятно – глупые люди!

Потом были истории, которые Николай читал в сказках – «старший умный был детина», «старший королевич», «старший принц», всё это логично и красиво укладывалось на платформу из его железной веры под названием «всё мне и только мне». Причём факты, которые как-то мешали этой логике и крысотищнице, например то, что главным достижением «умного старшего детины» из сказки про Конька-Горбунка была кража коней у самого младшего брата, безжалостно отбрасывались.

Даже то, что Колин средний брат Андрей был признан музыкально одарённым ребёнком, если и поколебало уверенность Коли в том, что он самый-самый, то ненадолго – ровно до срыва у среднего брата.

– Да Андрюха просто псих со своими фобиями! – этот вывод вернул Коле веру в свою уникальность и предназначение наследника.

В самом-то деле... средний – чокнутый музыкашка, младший – управляемый дурачок! И кто остаётся – разумеется он, старший принц-наследник!

Когда отец начал выделять братьям деньги для пробного дела, Николай снисходительно фыркал на усилия братьев:

– Было бы желание дурыю маяться... Только деньги тратит впустую! – думал он про отца.

Когда выяснилось, что Андрюха нахитрил и напакостничал в его бизнесе, то гнев Николая был гораздо сильнее, чем отцовский – мало того, что этот паразит нагадил, так ещё и деньги спёр! Его деньги! Его будущее наследство!

Правда, даже этот гнев ни в какое сравнение не шёл с тем, что испытал Коля, когда узнал, что старый сентиментальный дурак – папаша, не знающий меры, влез в такие траты, чтобы Андрюхе невесту добыть! Да ещё какую невесту! От такой и сам Коля не отказался бы!

– Брылёву! Единственную наследницу отдать этому припадочному? Ну, отец, я от тебя этого не ожидал!

Он не был эмоционален, поэтому скандал не устроил, но решил, что если отец такие деньжищи вбухивает в никчemuшного Андрюху, то и ему можно брать.

– Это мои деньги! – успокоил он себя, выводя финансирование на лабораторию и оборудование цехов. – Мои!

И вот теперь отец спрашивает у него, а почему, собственно, он так решил?

– Да потому, что так и есть! – содержательно ответил Николай. – Это моё наследство. А ты его на Андрея вбухиваешь! Денег сколько было потрачено, а ещё домина и земля в подарок!

– Коля, это моё дело, куда я трачу собственные средства, – устало произнёс отец, – И, кроме всего прочего, наследство – это, когда человек умер, а я, знаешь ли, жив. Мне пятьдесят восемь лет! Да, всякое бывает, конечно, поэтому, у меня есть завещание. Так вот, в нём вам троим выделены одинаковые доли имущества, а ещё завещание касается твоей матери.

Николай возмущённо воззрился на отца, хотел что-то сказать, но ему не позволили.

– А вот теперь я завещание изменю! И наследников останется не четверо, а трое! Твоя мать и двое братьев!

– Чтоооо? То есть ты меня всего лишаешь?

– Нет, не всего, а только своего личного собственного имущества... раз уж на тебя даже его ожидание так разрушительно действует, то это означает только то, что оно тебе бесполезно!

– Ах, вот как... значит, этого придурка-Андрюху, этого блудного сыночка, ты наследства не лишил, а меня, значит, лишаешь? – заорал Николай.

– А это интересная аналогия, кстати... – вздохнул Пётр Иванович. – В притче о блудном сыне почему-то чаще всего говорят именно о нём самом, забывая окончание этой притчи. Да, блудный сын потребовал себе денег в качестве части своего наследства, да, прокутил их, а потом, когда совсем прижало, вернулся к отцу. Но вернулся-то не с требованиями, а с мольбой о прощении. И он не на прошлое своё место метил, а в слуги наниматься пришёл. Зато старший сын был в полном возмущении. Он уже тоже распорядился состоянием отца, только мысленно, вот и возмутился, как тот смеет что-то тратить на брата.

– Но ведь это правильно! – гневно высказался Николай. – Родитель и был обязан обеспечить старшего сына, а не разбазаривать состояние.

– Это состояние отца... и куда его употребить, отец, пока жив, сам решает, – очень спокойно возразил Пётр Иванович. – И, кроме этого, есть ещё кое-что... раз уж ты такой знаток древних историй, то должен знать и такое: «Злословящий отца или мать смертью да умрёт». То есть, ни младший, ни старший сыновья ни имели права себя так вести, но младший что-то понял, прощения просил, а вот понял ли что-то старший – вопрос... Ну, ладно, вернёмся в наше время и к нашим делам. Ты, сынок, кое-что не учёл! Я сам буду решать, кому и что выделить... или не выделить вовсе ничего.

– Вот как ты заговорил... а ведь тебе-то наследство родители оставили! А меня ты собираешься безо всего оставить? – вне себя заорал Николай.

Нет бы ему заметить, как стремительно переглянулись отец с Хаком, нет бы вернуться к обычной своей невозмутимости, промолчать...

Но даже самый невозмутимый человек может сорваться, когда его жизненная опора колеблется, становится неустойчивой, а то и просто исчезает, тает под ногами. Вот и Николай сорвался. Орал он долго, припомнил все отцовские попускания братьям, даже то, что он был против их рождения, а его-то и не спросили, а теперь и вовсе законного имущества лишают!

– Коля, вот когда ты женишься, будет у тебя сын – первенец, ты будешь у него уточнять, делать тебе ещё детей или уже хватит? – жёстко прервал его отец, когда Николай собрался уже идти по второму заходу.

Николай аж поперхнулся, так ясно ему представилась абсурдность ситуации – вот он, взрослый мужчина идёт к мальчишке-сопляку, спрашивать подобные вещи.

– Аааа, не будешь, значит... А учитывать его фантазии при распоряжении собственным имуществом станешь? – Пётр Иванович хмуро осмотрел опасно покрасневшего сына и продолжил: – Я тебя услышал... Теперь твоя очередь. Нет, закрой рот и слушай! Твои желания и ожидания не лезут ни в какие ворота даже с точки зрения закона, а с моей личной точки зрения – так тем более. Поэтому завещание я изменю сегодня же, и упоминаний о тебе там больше не будет.

– Ты не имеешь права! – взвыл Николай.

– Имею. Если ты не инвалид-иждивенец или пенсионер, то я имею полнейшее право тебе ничего не оставлять. Предполагается, что взрослый дееспособный человек сам себя может обеспечивать.

– Ты не можешь так со мной поступить!

– Могу, конечно. И сделаю это.

– Но твои родители...

– Мои родители оставили мне дом во Владимирской области. А я тебе подарил трёхкомнатную квартиру в Москве, однокомнатную в Питере и бизнес там же. Это я у тебя отнимать не стану. Более того, то самое родительское наследство – дом во Владимирской области – я тебе дарю для ровного счёта.

– Да зачем мне эта рухлядь? – зло оскалился «наследный принц».

– Вовсе не рухлядь, а то, с чем я пришёл во взрослую жизнь. У тебя «стартовый капитал» будет не в пример больше моего! И да... очень рекомендую тебе именно туда, в тот дом, и отправиться...

– Да с чего бы это? – рыкнул Николай.

– С того, что тебя будут искать те деятели, через которых ты деньги у отца тырил... – равнодушно просветил его Хак. – Деньги-то мы перехватили и на счета Петра Ивановича вернули, а вот за процентами за множество перегонов они к тебе наведаются непременно.

Николай замолчал так резко, словно ему обухом по голове прилетело...

– Эээээ? Чччтттоооо? Ты не можешь... ты так не делаешь!

– Коль, ты тут орал и разорялся, что я выжил из ума, что ты уже лучше во всём разбираешься и уже лучше всё знаешь и понимаешь. Ну ты же должен был соображать, раз такой взрослый, опытный и умный, что кража денег с помощью определённых кругов может закончиться печально? Нет? Не сообразил? Ты так привык, что тебя прикрываю я и Кирилл Харитонович, что не сознавал последствий? Хорошо, теперь-то у тебя будет множество возможностей их ощутить, так сказать, в реальности. Короче говоря, дарственную я тебе сейчас оформлю, ключи тебе передаст Кирилл Харитонович, с делами разбирайся, только не тяни – найдут, мало не покажется.

– И ты меня бросишь? Вот так просто бросишь на произвол судьбы?

– Ты же меня бросил на произвол судьбы, когда мне живому начал высказывать, что мне уже на тот свет пора! Что тебе от меня только собственность моя нужна! – холодно пожал плечами Миронов. – К матери не суйся, ей и так только-только по-настоящему со здоровьем получше стало после её воспалений лёгких... Кстати, я и не догадывался, почему ты был против покупки для неё того дома у моря, почему всё говорил, что это неразумная инвестиция...

– Да он же в цене падает, тот дом! Надо было в популярных туристических местах Италии покупать! – Николая до сих пор корёжило при упоминании и таком разбазаривании средств, как покупка по прихоти матери здорового запущенного имения на берегу моря.

– Да мне плевать! Главное, что моя жена может спокойно восстанавливать здоровье в том месте, которое ей нравится! – повысил голос Пётр Иванович. – И заниматься там тем, чем хочет! А тебе даже на мать денег было жалко, выходит? Ты их уже все себе посчитал? – Пётр Иванович только сейчас разозлился всерьёз. Как-то, пока шла речь о нём самом, его это не сильно зацепило, а сейчас аж в глазах потемнело! – Короче, через час ты получишь документы на дом, завтра тебе привезут ключи, а дальше – сам, как знаешь!

Взбешённый и потрясённый Николай оказался с документами на дом за дверями отцовского кабинета в его питерском филиале и даже не сразу вспомнил, где тут выход...

Сам не помнил, как в машине оказался, и поначалу мог только шипеть от ярости.

– Да как он смел? Как мог! Он же всё у меня... всё отнял!

То, что у него осталось значительно больше, чем было когда-то у отца, никак в расчёт не принималось – очень уж прихотливое у Колечки получилось сознание!

– И что теперь? Уезжать? Да нууу, ерунда! Ничего они со мной не сделают! Да и вообще, почему они деньги кому-то там отдали! Какие такие проценты я им должен! Обойдутся! – успокаивал себя Николай, швырнув дарственную на пол под переднее сидение. – Подачку кинул – дом развалюшный! – рычал он, добираясь до квартиры. – Деньги! Сколько денег отнял!

То, что это были деньги отца, Николай благополучно позабыл, ровно так же, как и то, что сама его фирма – тоже отцовский подарок. Очень уж он привык всё считать своим.

– А всё мерзавец Андрей! Да и Женька – гад недалеко ушёл! Это он что, к Ирине клинья подбивает? А она сама? Дуууурааа! Но отец... да как он смел!

«Посмевающий» отец тяжело откинулся на спинку кресла.

– Хак... ну, как же так, а? Что мы с женой не так делали? Мы никогда не обделяли одного в угоду другим, мы всегда уделяли им время... А потом, ты же знаешь, жена могла бы все на нянек перекинуть, так нет... была только Зина и то больше на младших – чтобы Коля не чувствовал себя заброшенным. А он... всё это время считал, что мы ему задолжали место наследного принца?

– Он закрытый, очень сдержанный и очень себе на уме. Помнишь, я тебе уже давно говорил, что в тихом омуте...

– Помню. Слушай, вызови здешнего нашего нотариуса. Срочно. Сердце прихватывает... не хочется не успеть, если что...

Хак мрачно покосился на шефа. Нотариус уже ждал в приёмной, правда, вперёд Хак пропустил не его, а вызванного загодя врача.

– Это ж какие нервы и силы нужны, чтобы такое выдержать... – рассудил он. – Лучше подстраховаться!

После кучи инъекций и строжайшего врачебного предписания не нервничать и дать себе отдохнуть, Хантеров в виде поблажки запустил нотариуса, а после подписания нового завещания, не обращая ни малейшего внимания на слабые возражения шефа, увёз его в сторону Карелии.

– Там новая земля куплена уже, дом «яхтсмена» чуть обновили, завезли туда твои вещи. И Виктора, твоего помощника по хозяйству, я туда уже вызвал, а он, ты же знаешь, по первому образованию медик. Так что отдохнёшь, ни о чём беспокоиться не будешь, а я всем займусь!

А то у меня прямо-таки руки чешутся... – разглагольствовал Хантеров, увозя шефа прочь, подальше от города.

Глава 7.

Гусь и его полёт после пинка

Николай был в ярости – чем дольше он думал, тем больше понимал, что его всего, всего лишили!

– Да как он смел! – рычал он на отца. – Он меня обобрал, он же всё у меня отнял! Обокрал, всего лишил. Даже деньги отнял! – логика в этом утверждении хромала на все лапы, но какая уж тут логика...

Правда, доставалось не только отцу, но и братьям, и матери, и Хантерову, и Ирине Вяземской, так его оскорбившей.

– Всем! Всем отомщу! Ничего... я обязательно всем это припомню!

Звонок смартфона он принял автоматически и тут же пожалел об этом.

– Николай Петрович, Геннадий вас беспокоит. А когда мы можем ожидать оплаты за наши услуги?

Вежливый и тихий голос, от которого Николай озверел окончательно и проорал в трубку, что никаких услуг он от них не получил! Наоборот, они украли его деньги, раз передали их кому-то другому.

Это было фатальной ошибкой.

В трубке немного помолчали, а потом всё так же вежливо и спокойно пояснили, что подставляться из-за финтов Николая никто не подписывался, а вот он, получается, подставил приличных деловых людей, вызвав тем самым у них проблемы. Проблемы деловые люди категорически не приветствуют, поэтому и процент за услуги будет теперь совсем иным...

Озвученная сумма повергла Николая в трепет. В ещё больший трепет его погрузило осознание того, что вот от этих-то типов не отмахнёшься, не наорёшь, не пнёшь подальше, они сами кого хочешь отпинают.

Сначала он решил, что, может, «оно само как-то рассосётся». Ну мало ли... попугали его, да и спустят на тормозах. Но после порезанных шин его машины, разбитой дорожкой двери офиса и встречи в одном из традиционных питерских дворики с крайне серьёзными типами, от которых Коля бежал, смутив своих преследователей неожиданно пронзительным воплем, подпрыгнув, как вспугнутый заяц, надежды на благополучный исход растаяли как утренний туман.

Он добрался до квартиры, заперся на все замки, а потом узрел в смартфоне сообщение о том, что с ним пока шутили, но набор шуток подошёл к логическому завершению.

Он сидел со смартфоном во внезапно ослабевшей руке и покачивался, силясь найти выход.

– Надо бежать! – осенило его. – Хак, чтоб ему... был прав! Надо спрятаться! В Москве и Питере найдут, а вот Владимирская область... Какая там деревня?

Свою собственную машину после смены шин из сервиса он забрать побоялся, тем более что по номеру его могли отследить. Решил, что надо взять старую, забытую с нового года в гараже.

Из квартиры выбирался с кучей предосторожностей, опасаясь, что за каждым углом парадной его поджидают... Вышел через чёрный ход, нагруженный двумя чемоданами, уселся в вызванное такси.

– Мозгов нет... – вздохнул Дмитрий Петровский и покосился на напарника.

Василий Бошинов лениво пожал плечами.

– Что ты хочешь – он гусь непуганный, из тех, что без пинка не летает.

– Думаешь, если его пуганут, он полетит?

– Думаю, что со свистом! О, смотри, его уже нашли.

– Да было бы что искать! – хмыкнул Дмитрий, глядя, как к такси целеустремлённо пристраивается неприметная машинка. – Он же только что транспарант над собой не повесил! Я туууут!

Коля всегда верил в себя. Так верил, что, спокойно усевшись в «старой» ауди, на которой проездил всего год, решил, что его проблемы почти закончились. Сейчас он отправится в ту дурацкую деревню, отсидится там немного, а потом вернётся и всем-всем покажет!

Возникшие перед ним типы безжалостно разрушили его уверенность.

– Хак точно сказал, что вмешиваться не нужно? – с некоторым беспокойством уточнил Дмитрий через некоторое время.

– Сказал, что некоторую взбучку Николай заслужил. Так что, пока его не убивают, можем не переживать...

Они и не переживали, а просто подождали эпического ухода деловитой компании, вполне тактично посоветовавшей Николаю, сложенному компактной кучкой у машины, выплатить то, что он задолжал.

– Мужик, ты ж понимаешь, да? Ты сам пришёл, сам попросил, а потом сам гадость нам устроил. Без обид, но так приличные люди не поступают! – исчерпывающе объяснил ему один из компании. – Короче, заплати, что должен и живи спокойно! Если доживёшь, конечно.

– Смотри, какие философы! – оценил Василий. – Интересно, и куда наш подопечный теперь отправится? Вернётся домой и примется деньги собирать?

Выяснилось, что Николай и не собирался возвращаться.

– Ты ж глянь! Отважный какой. Поехал во Владимирскую... – удивлялся Петровский. – Так, мы до деревни провожаем, а потом назад?

– Да, Хак сказал, что там за ним есть кому присмотреть... А у нас другая работа – мы к шефу возвращаемся.

Нельзя сказать, что Николаю как-то очень уж сильно «нафилософствовали». Так, попу-гали немного на первый раз, но для «принца крови» это было ошеломляющим опытом. Видимо, именно из-за этого адреналин подтолкнул его пойти по более рискованному пути побега.

Конечно, он не заметил аккуратно следовавшую за ним машину «маляроштукатуров» Хантерова. Нет, ему и так было чем заняться.

За двенадцать часов поездки он сменил кучу настроений, от страха, жавшего на педаль газа, и ярости от того, что кто-то посмел покуситься на его священную особу, до паники, сворачивающей внутренности тугим ледяным комком.

– Что делать? Что мне делать? А если... если они меня и там найдут? Нет... там точно не смогут найти! Машина... по машине отследят! Да я её спрячу там, а себе куплю что-то попроще! Симка? Новую возьму, это не сложно!

Паника менялась огненной, заливающей сознание яростью, стоило ему только подумать об отце и братьях, а потом снова вступал в дело страх.

– Ты ж смотри, как гонит... хотя на адреналине и не то может быть, – с видом знатока рассуждал Дмитрий.

– Да уже должно было схлынуть. Это он от ужаса и злости так шпарит. Хорошо хоть трасса не перегружена. – вздохнул Бошинов, которому страсть как не хотелось ещё и проблемы с возможным ДТП разруливать.

На подъездах к деревне Коле пришлось попетлять...

– Кто делал этот проклятый навигатор? Куда я должен ехать направо? В лес что ли? Дороги... это не дороги, а проклятье! Россия – страна дураков и дорог, которые они строят! Ничего в этой стране нормального нет и не будет! – шипел Николай, морщась от болезненных ощущений, отзывающихся эхом по всему организму, и стискивая зубы, чтобы не прикусить язык на очередной рытвине.

– Слушай, а чего он поехал по дороге, вдребезги раздолбанной тракторами? Она ведёт к полям... – недоумевал Петровский.

– Да кто ж его знает? Может, дело у него там, а скорее всего – пространственный кретицизм обострился... Мы ведь гордые – на карту не смотрим принципиально! Мы ж навигатор слушаем. Вон, смотри, вывалился уже из-за поворота, обратно едет. Небось, на Россию и дураков ругается, да дороги припоминает... – хладнокровно пожал плечами Бошинов.

Когда Коля, в попытке найти родовую вотчину, проезжал мимо их машины в четвёртый раз, Бошинов лениво приоткрыл глаза и уточнил у напарника:

– Опять едет?

– Ага, – отозвался Петровский. – Одно в нём хорошо – крайне упёртый тип! Пошёл на пятый заход. Может, ему помочь?

– Добить, чтобы не мучился?

– Нее, сделать вид, что мы тут случайно, и подсказать, что надо не налево сворачивать, а направо?

– Да пусть ездит! Он тебе чего, мешает?

– Вообще-то нет!

– Вот и не сбивай педагогический момент. Урок первый: карты – они не просто так рисованы были, и если навигатор ошибается третий раз, разуй глаза и посмотри сам, куда ехать надо!

– О, он и до второго урока доехал, чисто русского народного: не знаешь брода, не суйся в лужу! – прокомментировал Петровский неожиданно взвившиеся вверх задние габаритные огни автомобиля, нырнувшего мордой в местную «Марианскую впадину». – Интересно, ауди это переживёт?

– А мне уже и другое интересно – Коля плавать хорошо умеет? – оживился Бошинов, оценив слышный даже на приличном расстоянии звучный плеск Коли об водную гладь...

Звонок подчинённых застал Хантерова на берегу озера.

– Кирилл Харитонович, у нас тут насущный вопрос назрел... Клиента из лужи вытаскивать или пусть плавает?

– Гм... опишите ситуацию.

– Да мы вам лучше видео пришлём! – Бошинов говорил бодро, как классически и положено при докладе вышестоящему лицу. – Вот, сами смотрите.

Стоящий по колено в непомерной величины луже Коля мог бы служить иллюстрацией ещё к нескольким русским народным мудростям. Например: «Семь раз отмерь, а потом вытаскивай чемоданы из затопленной машины. Нырять за ними будет грязно и трудно» или «Поспешишь, доведёшь людей, следящих за тобой до истерического припадка».

Иллюстрацией последней мудрости служил сдавленный хохот Петровского, изо всех сил старавшегося сдержаться, но почти проигравшего в этом.

– Диму водичкой полей, а то ему сейчас плохо будет! – велел заботливый Хантеров. – Клиента оставить в луже и уезжать, пока он вас не засёк. Вы его почти до места довели, дальше там на местности есть кому о нём позаботиться.

– Интересно, что именно Хак придумал... – размышляли Бошинов и Петровский, направляясь в Карелию. – Судя по всему, Коле это не понравится!

И они были правы.

Николаю в тот момент не нравилось ничего вообще! Вот на что бы ни падал его взгляд, всё было безнадежно плохо и погано!

– Ненавижу всё! – шипел он, вылавливая чемоданы и вытаскивая их на обочину. – Малая родина... Болото!

– День добрый! – окликнули его с берега лужи. – Эк вас занесло-то... И зачем же вы так опрометчиво...

Николай бы и ещё одну народную мудрость воплотил в жизнь, на сей раз про поганый язык, но, к счастью, поскользнулся и этот самый язык прилично прикусил.

Гневное мычание дедка, с любопытством осматривающего картину «Гусь в водоёме», отнюдь не смутило.

– Да... сильно тебя занесло... – констатировал он. – Вытащить, или там останешься?

– Изззздеваетессссь? – прошипел Николай.

– Вовсе нет. Мало ли... может, тебе там нравится!

– Ты пошшшшчччему мне тыкаешь? – возмутился Николай.

– Дак знаю тебя, вот и тыкаю...

– Откуда ты меня сссснать можешшшь? – язык после «прикуса» слушался как-то странно, словно он раздвоился и сейчас уже напоминает змеиный.

– Дак помню тебя. Ты, правда, малый был, но мордаха такая же надутенькая и нос вверх задран, – усмехнулся дедок. – Ты ж старший сынок Петьки Миронова, верно?

— Да кто ты такой? — разозлился Николай.

– Я? Сосед ваш. Я Петьку ещё вот такусеньким помню! – дед показал от земли что-то совсем невеликое, намекая на давность знакомства.

Николай аж глаза закатил.

– Только навязчивых аборигенов мне не хватало! – подумал он.

– Ты глаза не закатывай, а то неровен час как закатятся, так там и останутся. Придётся только и рассматривать, что собственные мозги! – велел дед. – Ну, надумал? Тут остаёшься иль достать?

– Досссстать... – прошипел Коля.

– Лады, – кивнул дедок и шустро удалился.

– Да чем этот мухомор может достать мою машину? Трактором? – успел подумать Коля, а увидев средство передвижения деда, презрительно сплюнул в лужу, за что бы тут же наказан – подвернулась под ноги мелкая, но коварная ямка, и он ухнул в гостеприимные водные объятия, встретившись нос к носу со своим собственным плевком, дружелюбно подплывшим к его физиономии.

Старенькая, но ухоженная и на диво бодрая Нива-пятидверка, мерно шлёпая колёсами по луже, подобралась к Ауди, исправно выполнявшей роль авто-Офелии. Из высокой Нивы, ничуть не залившейся водой, вылез дедок в болотных сапогах, деловито прицепил трос, подмигнул Коле и его средству самовыражения, упорно плавающему вокруг, влез обратно в салон, заботливо отряхнув болотники, и...

– Эээээ?! – Николай только глазами хлопал, глядя, как Нивка послушно и живенько вытягивает его крутую и дорогущую машинку из кошмарного глинистого разлива.

– Ну и чего ты там сидишь? – осведомился дед, с любопытством осмотрев Николая.

– Это как? – Коля изумлённо хлопал глазами, уставившись на неказистую с виду машину.

– Это? Дифференциал и пониженная передача, – хмыкнул дедок. – Разумеешь? Нет? Ладно, можно и проще – это нормальная русская машина из тех, которые считают дорогой то место, по которому собираются проехать! Так, я не понял! Ты в луже прописался или всё-таки поедешь? Только извини, я тебя в лапочку свою не приглашаю – в аудиюшку садись. Вам-то с ней уже ничего не повредит!

Глава 8. Руконожный привод

Когда исключительно грязная и снаружи, и внутри ауди была доставлена в деревню, Николаю захотелось как герою фильмов ужасов закрыть глаза и прошептать что-то вроде: «Пусть это будет только сон!»

Ничего такого очень уж страшного вокруг не наблюдалось, но только не для Николая!

– Какое убожество! – шипел он. – Вот, папаша, удружил!

Да, деревня была малообитаема – всего несколько домов были жилыми, остальные или заколочены, или пребывали в полуразваленном состоянии. Впрочем, Николай не очень-то обратил на это внимание, поглощённый своими переживаниями: в машине было омерзительно мокро и грязно, противно чавкало на сидении и в ботинках, дорожные джинсы омерзительно липли к ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.